

1

II Сентября 1934 г.

Дорогой Николай Константинович.

Въ недолгій промежутокъ послѣдняго времени американская печать отмѣтила два большихъ событія: Порученіе Вамъ правительствомъ Соед.Штатовъ избавить миллионы американскихъ Фармеровъ отъ повторенія катастрофы этого года, съ засухой сколо 24 штатовъ. Печать особенно подчеркнула особое довѣріе къ Вашему авторитету и - надежду найти въ Вашъ сильнаго сотрудника въ заботахъ страны. Другое, еще болѣе недавнее сообщеніе, о томъ, что вскорѣ Вашъ международный "Пактъ Рериха" получить еще одну цѣпную подпись, - Соед.Штатовъ, ведущихъ за собою нѣсколько южно-американскихъ государствъ.

Мечтательный и реальный, гуманий и призывающій, зовущій къ покадѣ мысли и красоты, и негодующій противъ созѣренія гордой культуры тысячелѣтій, проектируемъ русскаго художника -Философіа входитъ въ исторію народовъ. Понадобилось триста лѣтъ, чтобы мечты Гуга Гроція "объ улучшениіи способовъ веденія войны" нашли Вамъ выраженіе этихъ мечтаній въ такой смѣлой и простой мысли, что знаніе и искусство надо беречь отъ современныхъ эпидемій взаимнаго истребленія. Прибавляется въ исторію еще одинъ исторический парадоксъ: На защиту безоружной, сильной только своимъ геніемъ, человѣческой культуры поднимаеть свой мощный голосъ страна, прославленная прочими міромъ, какъ отронники только практическій устремленій. И эта страна, - практическаго идеализма, еще разъ показала другимъ, что творчество мысли и красоты нужно и ей и всему миру не менѣе другихъ, общепризнанныхъ цѣнностей.

Пишу это Вамъ, автору Пакта, и только что писалъ о томъ же Пактѣ, что онъ такое, и почему въ напѣ такой то и такой то сугубо реалистической рѣкѣ именно "практическая", но страна здраваго смысла, Америка такъ скоро схватилась за Вашу идею. Писалъ это съ увлечениемъ, очень культурнымъ, но рідовыми людьми, и ощущалъ, что писать легко.

Нужно ли мнѣ, послѣ сказанного, прибавлять какое либо поздравленіе? Я отвѣчу Вамъ иначе. Задолго до нашего съ Вами поколѣнія стала виростать материализмъ, какъ послѣднее слово человѣко-Бога. Онъ захватывалъ науку, красоту, жизнь народовъ, психологію современнаго культурнаго человѣка. Въ вѣчной борьбѣ избытка довольства съ бѣдностью онъ подавлялъ обѣ стороны, отнимая спокойствіе у созданія умомъ и трудомъ достатка и надежду у бѣдныхъ, принесъ обѣимъ сторонамъ опустошеніе, глубокую неудовлетворенность. Процессъ этой болѣзни могъ бы идти долго, но міровое потрясеніе ужасной войной и послѣдующими кризисами показало во-очію, до чего довело упраздненіе основныхъ началъ человѣческаго общественія. Дѣти великой культуры послѣднихъ вѣковъ почувствовали себя бѣднѣе силами и духомъ, чѣмъ народы темнаго средневѣковья. И когда въ этой подавленности, въ ~~недовѣренной~~ жизни каждого за завтрашній

день, за свое потомство, что то начинаетъ все громче говорить о полу-забытыхъ основахъ человѣческой жизни, такое идеиное торжество захватываетъ не только лучшія мысли лучшихъ людей, оно завоевываетъ самую жизнь.

Думамъ, что Вы съ интересомъ прочитаете въ приложеніи выдающуся рѣчь американского посла въ Германіи Додда, гдѣ назадъ - пожилого профессора одного изъ университетовъ чикагскаго района. Удачный подборъ факторъ, исторический подходъ къ анализу современности, психологія народныхъ массъ и отдаленной прошлости, трагедія труда и капитала, - все избранные мысли этой рѣчи - крупные штрихи современныхъ перекинзаній и загадокъ будущаго.

Начинается осень и я считаю себя обязаннымъ дать Вамъ нѣкоторый очеркъ того, въ какой стадіи развитія сейчасъ организація Русскаго Института.

Въ самомъ началѣ лѣта я представилъ правленію Музея Рериха схематической планъ предстоящей дѣятельности Института. Намѣтивъ открытие трехъ первоначальныхъ курсовъ, - русскаго языка, литературы и истории, - расчитывать на материальную поддержку Музея въ основномъ скромномъ бюджетѣ, включая небольшую гарантію преподавателей, публикаціи и проч. Музей не могъ дать мнѣ этихъ средствъ, будучи стѣсненъ до крайности въ своихъ очень сдержаныхъ расходахъ, своего же Мастеръ Института и во всѣхъ прочихъ. Оставалось перейти къ той же системѣ, какъ Мастеръ Института и другихъ учрежденій, - выростать своими силами, имѣя остальную поддержку, кроме денежнай. Кроме собственнаго прихода, другіе источники, - патронатъ и помошь американскихъ "Фаундэйшнсъ" /объ обращеніемъ къ послѣднимъ Вы снова напоминаете въ послѣднихъ Вашихъ письмахъ, о чёмъ мнѣ сообщила З.Г.Лихтманъ/, я всетаки считаю возможнымъ затронуть хотя и вскорѣ, но не раньше того, какъ Институтъ покажеть реально свою жизнь курсами, лекціями и собраніями.

З.Г.Лихтманъ, понимая, что развитіе Института въ постоянно и сполна дѣйствующую организацію требуетъ средствъ, пошла на встречу, завѣреніемъ, что если мои личныя силы не позволятъ начать скорѣе постоянные курсы, не обезпечивая самого необходимоаго, то возможно будетъ примириться на некоторое время съ отдельными собраніями и лекціями, подготовленія будущіе курсы позже.

Тѣмъ временемъ, не смотря на тихое лѣтие времія, стала появляться болѣе осознательная поддержка, въ лицѣ привлекаемыхъ мною избранныхъ сотрудниковъ и, особенно пріятно отметить, - вниманіе и довѣріе выдающейся американской печати. Особенно въ послѣдней показала ихъ редакція одной изъ главныхъ нью-йоркскихъ газетъ, Херальдъ-Трибунъ. Какъ то само собою выходило, что она вѣщає, и что то общее, Институтъ долженъ начать выполнять эти обязательія. Къ концу лѣта сломилась прилагаемая ближайшая программа Института на этотъ семестръ, до конца года. Въ немъ, пока, только курсъ русскаго языка. Но, для развитія интереса къ нему, для оживленія смысла изученія русскаго языка, и для вызова прямого запроса на русскія исторію и литературу, "безплатной преміей" для учащихся русскому языку, и съ утвержденной платой для прочихъ, обѣщаются вечера бесѣды-рассказа изъ русской исторіи и литературы. Скромный доходъ такихъ вечеровъ

Институтъ дѣлить съ лекторомъ вечера. Самы по себѣ эти вечера должны быть зародышемъ болѣе развитыхъ собраний позже.

Для примѣра - вечеръ о Пушкинѣ: Вступленіе, обѣ исторической и литературной эпохѣ времени Пушкина, его краткая біографія, ст. развитіемъ его творчества, его влияніе на всю русскую литературу до нашихъ дней; краткий пересказъ содержанія главнѣйшей прозы Пушкина и его поэзіи, - повѣсти, сказки, поэмы, съ выдержками изъ существующихъ переводовъ на английскій /акъ и весь вечеръ - по англійски, для американцевъ/, - нѣсколько стихотвореній; Пушкинъ - отецъ русской поэзіи, творецъ современного русского языка и истории русской культуры въ типахъ и образахъ русского народа. Кроме цитать изъ Пушкина босѣда сопровождается картинами на экранѣ отражательнымъ Фокаремъ: портретъ Пушкина, Мѣдный всадникъ, портретъ Петра Великаго, виды Москвы и Петербурга, иллюстраціи къ произведеніямъ Пушкина. Вечеръ заканчивается запросомъ къ аудиторіи, что ее наиболѣе заинтересовало, что именно ~~или~~ бѣ лѣть еще отдельнымъ вечеромъ, какъ напр. поэмы или сказки Пушкина и т.д.

Вечеръ Римскаго-Корсакова: Вступленіе, о національной русской музыкѣ /Глинка, Сѣровъ, Даргомыжскій, группа Бородина и Мусорскаго, Римскій-Корсаковъ, Чайковскій/. Краткая біографія Р.-К.-ва. Развитіе въ его композиціи русской народной пѣсни и восточно-православного духовнаго пѣнія. Его оперы. - Рассказъ о творчествѣ Р.-К.-ва перемежается исполненіемъ лекторомъ, или его сотрудникомъ, выдержекъ на роялѣ, пѣніемъ и коромъ. Для послѣдн资料 я уже заручился согласіемъ выдающагося музыканта, дирижера Московской оперы, ученика Р.-К.-ва. Вы видите, что изъ такого вечера, поставленного умнѣніе ~~и~~ содержаніе въ характерѣ рассказа, не трудно развить повтореніе въ широкой программѣ стилизованного вечера русской музыки.

Нужно ли говорить Вамъ, что возможно дать въ такомъ же измѣнѣ Лермонтова, Толстого, Достоевскаго, Тургенева, Глинку, Чайковскаго, Бородина и т.д. Само собою разумѣется, что размажнувшись на вечера по искусству ~~и~~ по понятнымъ причинамъ не тороплюсь съ ними, выдвигая ранѣе вечеръ историческихъ и литературныхъ темъ, чтобы привести къ курсамъ исторіи и литературы, только за которыми можно думать о курсахъ по истории искусства/, и найду здѣсь и русскихъ и американскихъ лекторовъ /по музыкѣ уже имѣются опредѣленіе намѣченіе/ и картины и иллюстраціи, обильные въ Нью-Йоркѣ. Галлерей Вашихъ картинъ передъ глазами получить отдельный вечеръ, а при двухъ, скажемъ, лекторахъ, по исторіи Вашего искусства, и при миссѣ Грантѣ, блестяще разсказавшей недавно при миѣ все Ваше новое за послѣднія 15 лѣтъ, сомнѣваться въ насыщеніи такого вечера хищнымъ содержаніемъ не приходится.

Въ затронутыхъ мною сотрудникахъ я долженъ быть, конечно, остановиться пока на свободно владѣющихъ английскимъ языками. Но и они, и не рискующіе говорить по английскому, единодушно сочувствуютъ нашему плану и готовы помочь. Начата мною переписка съ научными центрами русской въ Европѣ, о связи и содѣйствии.

Не только по прежнему, но еще болѣе убѣдительно подтверждается созрѣвшій большой интересъ къ Россіи и къ русской куль-

II Сентября 1934.

4.

турь, и еще отчетливъе видыется сюзъ изъ пестраго интереса ко всему новому въ Россіи. Все больше американская публика начинает разбираться въ томъ, что сумно возвѣденное "творчество" въ Россіи должно было имѣть большое прошлое, что такія напр. легенды, какъ о катариномъ трудѣ утистинныхъ крестьянъ для костюмъ помѣщиковъ и о рабѣ для трудающихъ съ 1912 г., требуютъ большої просьбы, что кроме послѣднаго слова надо заглянуть въ предыдущія слова, и что вообще для выводовъ нужно больше знанія.

И еще болѣе ответственней становится задача Института - раскрыть русскія силы и съумѣть ихъ показать. Иди изъ роточныхъ капиталовъ, и не отъ ротовыхъ кадровъ работниковъ, но отъ скромныхъ силъ немногихъ людей, пока безъ средствъ, нынѣ увлекаться чѣмъ либо сверкающимъ вскорѣ, но и нельзя отступать. Такъ въ реальной программѣ дѣйствія, какъ видите изъ нея, я не рискую отиривать сразу къ у р с ѿ исторіи и литературы. Безъ платной публикаціи /нова я рискнула сдѣлать на дѣтакъ для русскаго языка/, и пока еще безъ имени, надо пока подготовить комплектъ слушателей къ слѣдующему семестру, съ начала 1935 г. для второго и третьего курсовъ, исторіи и литературы.

Едва ли можетъ быть у Васъ вопросъ, какъ складываются отношения Вамиъ сотрудниковъ со мною. Добрыя и благожелательныя со всемъ персоналомъ, они болѣе сосредоточиваются въ непосредственномъ постоянномъ общеніи со З.Г.Лихтманъ. Съ нимъ передумывается многое, ее считаютъ долромъ и удовольствиемъ посвящать въ развитіе плановъ Института. Она же периодически знакомить меня съ Вамиъ путешествіемъ и передаетъ Вамъ добрыя слова. Не нужно убѣдить Васъ, что въ этихъ встрѣчахъ намъ приходится душевно говорить о Васъ вдвоемъ.

Уже направляюсь на подарокъ: Въ свободное время /если такое у Васъ бываетъ/ дайте какой либо знакъ Русскому Институту, подобный сочетанію инициаловъ И. и Р. въ кругѣ для Музей. Красивая печать для Чураевки у Г.Д.Гребенщикова: скрѣпъ крестомъ въ лѣсу. Мысль бѣгаетъ между сочетаніемъ инициаловъ /русскіе, славянскіе или иностранные/, орнаментомъ и маленькой картиной. Когда Русскій Институтъ выростеть, она попросить у Васъ указанія, какое сочетаніе нѣсколькоихъ позво-леній Фото-концѣ онъ сможетъ сдѣлать между первыми Рѣстни-комъ /Гончомъ/ и Съ нами силы небеснны. Русскому Институту надлежитъ имѣть и Вамъ портретъ и страженіе Вашего искусства о Россіи.

Глубоко былъ тронутъ Баней заботливой передачей въ кар-бинскую "Зарю" моего первого мечтанія о Русскомъ Институтѣ. Хотя и смущенъ Банимъ производствомъ меня въ званіе профессора, но гораздо болѣе серьезно почувствовалъ въ подчеркнутомъ Вами въ печати гармонію съ Вами мыслями объ Институтѣ.

Зная, въ сдѣлъ, что собираюсь писать Вамъ, З.Г.Лихтманъ предупредила меня о златоносности сообщенія нашихъ переки-ній Еленѣ Ивановнѣ. Съ особеннымъ удовольствіемъ печатаю одновременно копію написаннаго Вамъ для нея и посыпаю.

Душевно Вамъ преданный

EUGENE A. MOSKOFF
90 PINEHURST AVENUE
NEW YORK CITY

10 Апрѣля 1936.

Дорогой Николай Константинович.

Я глубоко удовлетворенъ Вашими добрыми словомъ въ пись-
мѣ Вашемъ мнѣ отъ 6 Марта. Довѣряя мнѣ во многомъ, Вы повѣрите
мнѣ и въ томъ, что мнѣ по душѣ именно довѣріе къ задушевной
искренности сказанного и писанного мною, выше похвалы моему сло-
весному искусству. Получивъ съ избыткомъ много отъ семьи, отъ
изумительной русской школы и отъ счастливо выбранной мною ос-
новной профессіи моей жизни въ Россіи, - присяжнаго повѣрен-
наго, имѣвъ возможность свободно писать въ печати, я не могъ
быть легкомысленно небрежнымъ, и, насколько могъ, берегъ и лелеялъ
данное мнѣ высокой русской культурой ея русское слово и ея рус-
скую мысль. На удивительномъ русскомъ языкѣ говорить косолапо
- грѣшно. Если же судьба не только подарила мнѣ всю мѣру рус-
ского образованія, но и прибавила баловство американской шко-
лы /опять таки - съ углубленіемъ въ исторію и красоты русской
литературы/, то достаточно было имѣть опытъ, широкія возможно-
стіи и нѣкоторыя способности, чтобы считать себя просто обязан-
нымъ проявить въ себѣ русского человѣка до возможнаго предѣла.

Ваши пути давно мнѣ не чужіе. И мысль Ваша и творчество
сочетаютъ особенность русской культуры, въ такихъ широкихъ рам-
кахъ едва ли повторяющиіся въ культурахъ другихъ современныхъ
дѣйственныхъ народовъ: Сочетаніе глубоко національнаго, въ ре-
лигії, красотѣ искусства и Философіи, со всечеловѣческимъ идеть
красной нитью чрезъ всю нашу русскую духовную и художествен-
ную культуру, съ первыхъ дней сложенія ея въ нѣчто четкое и
законченное, всего около ста лѣтъ назадъ. Зданіе вчернѣ до Петра,
его могучіе удары по камню, его эскизы, наброски, перевариваются
и воспринимаются вглубь до Пушкина, геніемъ своимъ дающаго сра-
зу законченный русскій, онъ же міровой, стиль. Съ эпохи Пушкина
дорога, только впередъ, ясна и неуклонна. Достоевскій на откры-
тіи памятника Пушкину даетъ отчетливыя грани русской культуры,
- въ идеѣ русской всемирности, и, подъ конецъ жизни, оставля-
етъ гениальную по простотѣ и величію идею русского правосла-
вія. /Идіотъ, Бѣсы, Легенда Великаго Инквизитора въ Карамазовыхъ/.

Въ этой области, полной свѣта и улыбающейся красоты, я имѣлъ
удоволствіе встрѣтить Васъ близко, не стараясь и не добиваясь:
судьба свела эту встрѣчу. Сложившись /характерно: въ короткое
время и въ немногихъ встрѣчахъ/, Ваши отношенія со мною остались
непринужденными, свободными и - тѣсными. Пишется о Васъ легко,
когда ясно видишь Ваше дѣло и чувствуешь близость къ его осно-
вамъ.

Зинаида Григорьевна, также довѣрчиво и довѣрительно, какъ
и Вы, давно ввела меня въ свѣденія о происходящемъ здѣсь походѣ
Хорна и его группы. Она не сомнѣвалась не только въ томъ, куда
направится мое чувство справедливости, но и какимъ настроені-
емъ я отвѣчу на сгущенное давленіе напавшихъ на итоги Вашей
жизни. При ея неутомимой бодрости, и вѣрѣ въ Васъ и Ваши идеи,

10 Апрѣля 1936.

2.

6

эти ея свойства, и Ваша полная вѣра въ будущее въ письмѣ мнѣ, нашли во мнѣ давно "закоренѣлого" оптимиста. Философія жизни и школы только придала ясности этому неизмѣнному оптимизму всей жизни, а Ваше письмо не только живетъ надеждой, но и видить неугасающій свѣтъ впереди.

Въ концѣ концовъ, иначе быть не можетъ. Затѣмъ Вы предпріятіе, съ условными опорами, могло бы говорить объ удачѣ или - крушениіи. Но положенное въ основу здѣшняго - нескладъ, и не коллекція, а то, что выросло вмѣстѣ съ самими предметами записанного Вами на полотнѣ и на страницахъ. Нельзя закрыть и спрятать свѣтъ, мысль, красоту.

Надняхъ молодое существо, боящееся "шаблонной", какъ оно думало, религіи, осторожно спросило меня, что такое Богъ, и тутъ же высказало сразу свое сомнѣніе, почему Богъ любви, добра и прощенія не спасъ убийцу маленькаго Линдберга отъ казни. Не претендую на что либо мудрое, я отвѣтилъ моей собесѣдницѣ вопросомъ: Отчего она, въ области высшихъ началь міра, не можетъ, даже въ идеѣ Бога, пойти выше понятія о штатномъ губернаторѣ, въ правѣ и возможности помилованія? Когда "идея надъ жизнью" облекается въ реальные формы материальной жизни, мы обращаемся съ нею обывательски также, какъ съ операцией на рынкѣ.

Съ такимъ подходомъ къ чему то высшему въ жизни, вкладчикъ миллиона долларовъ Хоршъ долженъ связать веревочкой рукописи Моцарта, полотна Рембрандта, клавиши, на которыхъ шепталъ Шопенъ, и отнести свертокъ въ сэфъ.

Я слышалъ много разъ страстныя и отточенныя рѣчи Хорша, о культурѣ, объ искусствѣ, о смыслѣ его въ жизни, о Вашемъ мирномъ союзѣ народовъ, о Васъ и о Вашемъ творчествѣ. Всѣ эти нарядные одежды онъ снялъ, беззастѣнчиво, безъ оговорокъ. Его духовность опустѣла и отъ всѣхъ идей осталась закладная съ процентами. Возмущаться этимъ напрасно, такихъ очень много. Я не думаю, чтобы онъ проснулся. Но я упрямо остаюсь въ убѣжденіи, что духовныя начала жизни, а тѣмъ болѣе ведущія и создающія, являются силой выше матеріальныхъ. Первые создаютъ вторыхъ. Физиология не можетъ создать ни капли творческой мысли.

Легенда объ успѣхахъ "предпріимчиваго" Рериха, въ обывательскомъ разсказѣ съ бухгалтерской иллюстраціей, мнѣ ничего не говорила и ничего не объясняла. Не повѣрю я и обывательскому пониманію Америки, какъ страны долларовъ, и только: Страстный искашенія еще не найденной культуры будущаго. По логикѣ обывателя у Васъ долженъ быть миллионъ и непремѣнно домъ съ автомобилемъ въ центрѣ коммерческой столицы.

Легко и свободно вѣрою вмѣстѣ съ Вами, что созданное не только не умираетъ, но завоевываетъ дальше, не смотря на дикія формы современныхъ внутри-общественныхъ и международныхъ отношеній. И это - не отвлеченный, но практическій идеализмъ самой жизни, которая начинается не въ пачкахъ несгораемыхъ шкафовъ, а въ зарожденіи и развитіи растенія, животнаго, человѣка, его слова, мысли, его человѣческаго гenія.

Я отвѣчу Вамъ вольными размышленіями вокругъ происходящей здѣсь охоты - за документами. Я не ишу въ моихъ сужденіяхъ

10 Апрѣля 1936.

3.

7

никакого эфѣкта, - ихъ разумъ диктуетъ мнѣ жизнь.

Они непринужденно идутъ на встрѣчу Вашей бесѣдѣ со мною, но, въ концѣ Вашего письма, - тревожное, - о переживаніяхъ Вашего лучшаго друга, Елены Ивановны. Почему? Конечно не отъ возможныхъ временныхъ материальныхъ ущемлений. Отъ осадка ощущенія человѣческой злобы, измѣны, вражды. Но вѣдь сама давно Философъ, переживъ сама и вмѣстѣ съ Вами такъ много на высотахъ мысли, развѣ Елена Ивановна не знаетъ, что грязь только контрастъ чистоты, что диссонансъ только путь къ гармонии. Страдаетъ за Васъ? Но развѣ Вы подавлены? Развѣ Вы не нашли скоро отвѣта на новую царщину?

Отъ насъ обоихъ, жены и меня, самыя душевныя пожеланія полнаго душевнаго равновѣсія и здоровья Еленѣ Ивановнѣ, Вамъ и сыновьямъ.

На Вашъ любезный вопросъ, какъ живемъ, - живемъ бодростью и посильнымъ трудомъ. Жена - въ скромномъ изящномъ рукодѣліи, работаетъ много, честно усталая. Американскій рельефъ оставилъ и мнѣ място и я преподаю русскій языкъ и, съ нимъ, рассказываю моимъ американцамъ о Россіи и русскихъ. Одинъ изъ моихъ классовъ - здѣсь, въ Музѣй Периха, въ немъ же поднимаются и такія бесѣды, какъ сказанная выше. Дѣло не ремесленное, мнѣ по душѣ. Уроки, даваемые мною, дополняются даваемыми намъ курсами по новѣйшимъ ученіямъ психологіи и по воспитанію взрослыхъ. Послѣднее - большая, міровая проблема.

Годы отстукиваютъ время, мой глубокоуважаемый сверстникъ, но эти числа менѣе всего заставляютъ меня задумываться.

Буду всегда радъ вѣстямъ отъ Васъ, не прибавляю - добрымъ, т.к. другихъ Ваша мысль создать не можетъ.

Искренно Вамъ преданный

Евгений Александровичъ
Московъ.

28 Декабря 1937г.

8

Дорогой и глубокоуважаемый Николай Константиновичъ.

Мнѣ просто стыдно за мое долгое молчаніе. Оправдываться суетливой постоянной работой мало: чѣмъ беспокойнѣе мы живемъ, тѣмъ болѣе необходимо поддерживать общеніе между тѣми, кого объединяетъ общее пониманіе нашей причудливо изломанной жизни, и - неизмѣнная вѣра въ хорошее въ людяхъ, несмотря на всѣ ужасы и очерствѣніе.

Не оставляетъ когда, гдѣ то, схваченная мысль: Послѣ столъ многихъ вѣковъ человѣчества оно во многомъ и многомъ все еще оставалось во младенчествѣ /съ нынѣшней нашей точки зрења/, еще совсѣмъ недавно. Взять хотя бы только конецъ ХУІІІ вѣка, всего около полутора столѣтій тому назадъ, и оглянуться на тогдашнія познанія: медицина безъ микроскопа и безъ химіи, съ первобытными знаніями мозга, сердца, со звѣринными пріемами операций, не подозрѣвавшая микробовъ Пастера, Коха, и проч. и проч.; - наука исторіи, тогда еще не наука, говорившая языккомъ школьніковъ, и - сложившаяся за время менѣе одного вѣка въ историческую Философію; - всего лишь полутора вѣка существованія экономической науки, - какъ будто главной основы всей материальной жизни народовъ, - экономики, столь интенсивно старающейся найти, хотя бы въ теоріи, пути общехитрія ... на только материальныхъ началахъ. Она сейчастъ беспомощна и безмолвна, а идущая вслѣдъ за нею соціологія, по убѣждению многихъ, еще не нашла научной основы.

Во всей этой новой, и очень напряженной, работе, и человѣчество въ цѣломъ, и отдельные умы, должны были УСТАТЬ, ПЕРЕУТОМИТЬСЯ отъ такой лихорадочной мысли. Это переутомленіе XIX вѣка - источникъ многихъ кри-
выхъ линій въ современныхъ событіяхъ и движеніяхъ.

Сказывается это переутомленіе людскаго мозга и въ странахъ отсталой культуры, и въ шедшихъ впереди того или иного прогресса. Казалось бы, подъемъ мысли долженъ быть выдѣлить не только лидеровъ мысли, но и вождей народовъ. Но завоеванная свобода и права человѣка, въ сырыхъ, все еще не подготовленныхъ массахъ, далеко еще не переварившихъ новыхъ благъ, толкаютъ идти за демагогами, а мощныхъ реформаторовъ не видно. Для Васъ это особенно видно: Рядомъ съ подававшимъ надежды Рузвельтомъ стоитъ Уоллесъ. На встречу Вашему Пакту Мира колыбель красоты Италия, у себя дома создавая цѣнности своей археологіи, учиняетъ погромъ мирной Эфіопіи, а претендующая на культуру выше европейской Японія превосходитъ звѣрствами на ничѣмъ не оправдываемой войнѣ весь цинизмъ прошлыхъ головорѣзовъ.

Среди всякихъ такихъ впечатлѣній мы, русские, воспринимаемъ дѣйствительность двояко: Съ одной стороны настѣ, и нашъ народъ, старается перевоспитывать, для какого то будущаго, зашедшая въ тупикъ власть въ Россіи ^и, заблудившая въ дебряхъ, ея безнадежная партія, съ ея уродливымъ опытомъ квази-раскрытиенія человѣка, съ другой - слишкомъ материальная Америка, упорно не понимающая огромной цѣнности и ВЫГОДНОСТИ духовной культуры. Хорошая страна, прекрасный народъ, но подавленіе всего техническимъ прогрессомъ сказывается въ очень многомъ. Идея истинной демократіи ушла куда то далеко. И обѣ стороны, въ какомъ то трусливомъ бѣгствѣ отъ религіи, наивно думаютъ, что она - врагъ свободы. Все тотъ же недостатокъ знанія, особенно трагичный для взявшіхся вести за собою.

Отъ этихъ общихъ впечатлѣній - къ своей жизни. Уже вошелъ въ 69-й

годъ жизни, но пока его не ощущаю. Служебное занятие - учу русскому языку. Удалось изъять изъ него нѣкоторые часы, и ихъ использую съ начала этой осени на еженедѣльные очерки русской исторіи, хронологически - отъ древнихъ славянъ, подошелъ къ ближайшей лекціи - о Петрѣ Великомъ, вѣрнѣ сказать - къ тремъ лекціямъ о немъ. Для освѣженія недостаточно систематизированныхъ знаній случайно, на пути къ докторату, прошелъ обстоятельный курсъ русской исторіи въ здѣшнемъ Колумбийскомъ Университетѣ, съ новѣйшей русской и иностранной литературой, а теперь перечитываю Ключевского, Платонова, Костомарова и прочихъ.

Послѣ окончательныхъ экзаменовъ, еще въ концѣ 1934 г., только послѣдней осенью удалось напечатать мою работу о Чаадаевѣ, и только тогда /таково требование Устава/ получилъ докторскій дипломъ. Только что въ Москвѣ вышло, или выходитъ, полное собраніе всего отъ Чаадаева, съ новѣйшими находками его другихъ писемъ и проч. Думаю, что новыя цѣнныя находки едва ли измѣнятъ ту постройку, которая сложилась у Чаадаева въ итогѣ извѣстнаго мнѣ ранѣе.

Сейчасъ организую здѣсь РУССКОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО ВЪ АМЕРИКѢ. Родилось оно недавно въ Санъ-Франциско, кругомъ котораго столько матеріаловъ по прошлому русскихъ въ Америкѣ, - въ давніе періоды - въ районѣ Аляски и Калифорніи. Предсѣдатель Общества тамъ - Александръ Павловичъ Фарафонтовъ, бывшій членомъ-корреспондентомъ Петербургской Академіи Наукъ. Чрезъ него Общество поручило мнѣ организацію здѣсь Главнаго Отдѣла Общ-ва. Прошлое русскихъ въ Америкѣ, ихъ вклады въ общественную и государственную жизнь страны, отъ первыхъ піонеровъ до нашихъ дней, - предметъ занятій Общ-ва. Цѣль - согрѣваніе отношеній русскихъ состраной, показаніе американцамъ Россіи ну, скажемъ ясно, полная встрѣча съ идеей Русского Института. А судьба, которая умѣетъ шутить добродушно среди нашихъ хмурыхъ современниковъ, безъ малѣйшаго давленія отъ меня, привела инициаторовъ вплотную ко мнѣ и они начали съ требованіемъ объединить ихъ и здѣшнее дѣло моимъ руководствомъ.

Я приложу Вамъ здѣсь мой "открывательный" циркуляръ, въ которомъ не удивляйтесь моей нарочитой сдержанности: такова тактика - предоставить слушателямъ сказать громко подсказанное и оставить имъ удовольствіе /и пользу для дѣла/ проявить себя. Конечно, въ этомъ моемъ циркуляре Вы не упустите яснаго намека на будущія отношенія Россіи съ Америкой. Какъ увидите, намеки программы охватываютъ "только" половину вселенной и только исторію двухъ столѣтій, не считая будущаго, но я увѣренъ, что мы не утонемъ въ безбрежномъ морѣ и пойдемъ въ рамкахъ.

Моя докторская работа посыпается Вамъ одновременно бандеролью. По очереди классовъ почты она должна придти къ Вамъ чуть позже. Хочу и надѣюсь, въ нѣкоторыхъ ея тезисахъ /они - въ заключеніи, въ послѣдней главѣ книги/, встрѣтиться съ Вашими мыслями, какъ онѣ уже встрѣтились съ мыслями Чаадаева. Развѣ не типичное совпаденіе мысли въ двухъ столѣтіяхъ: Ваше "Изъ древнихъ чудесныхъ камней сложите ступени будущаго" и чаадаева: "Только въ ясномъ пониманіи своего прошлаго народы найдутъ силу создавать свое будущее"? И вынуждена была сказать совѣтская власть въ своемъ официальномъ органѣ "Правда" въ Маѣ 1934 г.: "Знаніе историческихъ событий и личностей имѣть исключительную важность для будущихъ строителей соціалистического общества".

Я душевно радъ, что что то сказанное мною за этотъ годъ въ печати дошло до Васъ и хотя отчасти замѣстило мое долгое молчаніе. Говоря о Васъ, и только убѣжденно, я въ такой формѣ говорилъ Вамъ.

Я получилъ, конечно, и Вашъ привѣтъ къ Новому Году и Ваше заказное письмо отъ 16 Ноября.

28 Декабря 1937.

3.

10

По Вашему письму: Я не только не гожусь въ американскіе юристы, но съ первого же знакомства со здѣшнимъ правомъ и процессомъ на практикѣ, въ ихъ примѣненіи къ людямъ и къ жизни, такъ же убѣжденно остался отъ нихъ въ сторонѣ, какъ въ Россіи я не могъ представить себѣ лучшей профессії, чѣмъ адвокатура, настолько она соотвѣтствовала моимъ взгля-дамъ, моему характеру и моимъ стремленіямъ. И въ рядовомъ "размѣнномъ" адвокатѣ здѣсь, и среди крупныхъ имень, съ которыми меня сближали дѣла по порученіямъ, я встрѣтилъ совершенно чуждая моему пониманію и нашимъ традиціямъ этику, отношеніе къ дѣлу и людямъ и къ святынѣ суда. Выражаясь мягко, я не понимаю такого суда и такихъ его дѣятелей. Покупъ, пере-купка противника, вліяніе на судъ съ чернаго крыльца, все это - неслыхан-ныя для русскаго юриста преступленія. Горячій поклонникъ выборнаго об-щественнаго начала, я въ выборахъ угоднаго и гибкаго судьи мѣстнымъ околоткомъ подъ командой квази-партийнаго кумовства вижу что то непристой-ное. Я испыталъ подобное и въ Вашемъ процессѣ. Но - есть суды въ Бер-линѣ /какая злая историческая насмѣшка надъ современной Германіей/ и Вы уже нашли ихъ сейчасъ во второй инстанціи, остановившей напискъ про-тивниковъ. Прибавьте къ этому благородную неутомимую поддержку Вашихъ испытанныхъ друзей здѣсь, и - Вашъ понятный пессимизмъ долженъ сгладить подавляющія Васъ впечатлѣнія. Скажу Вамъ больше: справедливость вовсе не ушла изъ этой страны, вишия декорація которой, въ хулиганскомъ базарѣ безпринципныхъ дѣльцовъ и "политишанс", смущаетъ не мало. Но основа, грунтъ этой мятеjной и вѣчно мятущейся страны не такъ засоренъ. Съ такими рыцарями, какъ Вашъ вѣрный другъ Стоксъ, страна не можетъ опустить-ся совсѣмъ до улицы и лавочки.

Отвѣтить Вамъ по существу оцѣнкой собраннаго въ Вашемъ процессѣ материала, аромата показаній г.Х., казуистики /слишкомъ хорошее название/ выводовъ, - было бы повторять Ваше глубокое недоумѣніе. Чуждость мнѣ права и процесса не мѣшаетъ мнѣ испытывать такое же удивленіе, какъ Ва-ше. Не вѣрю только въ заговорѣ. Сговоръ и обстрѣпыванье небольшой группой здѣсь нельзѧ обобщать на всю судебную постройку. По аналогіи съ болѣзнями, Вы въ этомъ процессѣ прошли удачно тяжелый кризисъ, проходив-шій въ очень невыгодной и вредной обстановкѣ. Таково мое не сужденіе, - слишкомъ мало образованнаго въ американскомъ судѣ русскаго юриста-прак-тика, но мое твердое вѣрлѣніе.

Не осудите, что я началъ съ себя, воропясь доложить Вамъ слабо из-виняющіе мотивы моего долгаго молчанія, и только потомъ перешелъ къ Ва-шимъ вопросамъ. Утѣшаюсь тѣмъ, что З.Г. съ неподражаемой и неутомимой энергией прямо удивляетъ меня, не падая никогда духомъ, и въ самые труд-ные моменты смотритъ бодро впередъ. Я самъ не изъ очень слабыхъ и слаб-ѣющихъ, но угнаться за ея находчивостью, твердостью, выдержанкой и приготов-ленностью къ каждому барьера, я едва ли бы могъ. Динамическая сила, и къ тому же ни мало не уступающая своего практическаго идеализма. Навѣрно покажу это письмо ей, но написалъ ^{такъ} же и безъ ея вѣдома.

Отъ жены и отъ меня душевное по желаніе Еленѣ Ивановнѣ и Вамъ со всей семьей здоровья и лучшаго въ жизни.

Вамъ искренно преданный